

З.Г. Лапина

ИСАА МГУ

**Памяти друга – Ирины Сергеевны
Ермаченко (Заусцинской)**

(25.06.1935 — 28.03.2014)

Впервые я увидела Ирину в сентябре 1952 г., когда мы стали студентами восточного отделения на историческом факультете МГУ. Моё внимание привлекла стройная девушка с тонкими чертами лица, в очках, в строгом английском костюме. В её облике читались надёжность, основательность, интеллигентность. Мы обе оказались в китайской группе и с тех пор, вплоть до её ухода, практически не расставались. Как я потом узнала, Ира родилась 25 июня в Воронеже в семье служащих. Частые переезды, связанные с работой родителей, приучили её к самостоятельности, тем более что у неё была младшая сестра, которую она опекала. Любящие разумные родители приучали детей к труду. Однажды пятилетнюю Ирину послали за керосином в керосинную лавку (примета того времени), но продавщица отказалась отпускать товар дошкольнице. Однако Ирина не растерялась и попросила дать ей книгу, доказав, что она уже умеет читать и что ей можно доверять. Будучи очень способной, она рано приобщилась к чтению, и эта страсть у неё осталась на всю жизнь.

Несмотря на частую смену школ, Ирина устойчиво оставалась отличницей, при этом она в течение трёх лет (в 5, 6 и 7 классах) была вынуждена жить отдельно от семьи, так как школа находилась далеко от дома. В суровое время войны к частым перемещениям добавилась ещё и эвакуация семьи в Свердловскую область. Наряду со взрослыми она испытала лишения, характерные для того времени. Причастность Ирины к поколению детей войны, её ранняя включённость во взрослую жизнь, способствовали тому, что она твёрдо стояла на ногах,

© Лапина З.Г., 2014

обладая своего рода житейской мудростью. Лично я всегда ощущала исходившее от неё доброжелательство и рассудительность. Собранность, находчивость и самостоятельность, проявленные Ириной ещё в детстве, формировали её характер.

Окончив школу с золотой медалью и намереваясь поступить на истфак МГУ на восточное отделение, Ирина по тогдашним правилам не сдавала экзаменов, а лишь проходила собеседование. Один из членов комиссии спросил, что ей известно об одном из китайских правителей. Ирина затруднилась ответить, и ей с укором сказали: «Как же вы идёте на китайское отделение, а этого не знаете?». «А я и поступаю на истфак чтобы узнать об этом и не только об этом», – ответила она (Кстати сказать, сама я, проходя собеседование и оказавшись в подобной же ситуации, растерялась).

В сентябре 1952 г. началась студенческая жизнь Ирины. Она в группе, как говорили тогда, «восточников» оказалась в числе первых, и потому в 1956 г., когда был создан Институт восточных языков при МГУ, из китайской группы в 20 студентов туда с истфака перевели всего несколько человек – кроме Иры, Алёну Монину (Волохову), Лиллю Борох, Андрея Крушинского и меня.

Пять лет нас заботливо опекали на кафедре истории стран Дальнего Востока, а затем на кафедре истории Китая в ИВЯ. Нам повезло. Нашим учителем с большой буквы стала Лариса Васильевна Симоновская.

В то время Китай, как и Восток в целом, выступал белыми пятнами на фоне всемирной истории, требуя внедрения новых знаний в общеобразовательный процесс. Сочетая в духе университетских традиций научное исследование и преподавание, Лариса Васильевна приобщала молодёжь к новому, ещё только осваиваемому «восточному» полю всемирной истории. В этот процесс были подключены и мы с Ирой.

Постижение истории Китая (а с 3-го курса – средневековой истории Китая непосредственно под руководством Л.В. Симоновской) шло на общих лекциях по Востоку, многочисленных курсах и семинарах. Студенты стали непосредственными свидетелями и, своего рода, участниками процесса становления китаеведного образования в МГУ. Так, Ирина смогла подготовить дипломную работу по истории цинского периода Китая (на основе китайских средневековых источников). По этой тематике через несколько лет она защитила кандидатскую диссертацию. А уже тогда отрывки из переводов И. Заусцинской из средневековой династийной истории *Цин ши гао* были опубликованы в «Хрестоматии по истории средневекового Китая». Так уже в ученичестве шло приобщение к научной работе.

Л.В. Симоновская создала свою научную школу, и своё достойное место заняла в ней Ирина.

Как-то я спросила Иру, что по её мнению самое главное в личности Ларисы Васильевны? И она ответила: жизнестойкость, интеллигентность и что-то большое «за кадром». Ирине было с кого брать пример. Думается, что Л.В. Симоновская была для неё и учителем жизни.

В июне 1957 г., когда мы окончили ИВЯ (получив красные дипломы), наше будущее с Ирой было ещё темно и неясно. И тут произошли поистине эпохальные для нас события. Стало известно, что впервые посылают на учёбу в Китай советских студентов. Надо учесть, что о «стране нашего изучения» мы лишь грезили, и Китай оставался для нас неосуществимой мечтой. А потому, когда нам предложили вновь стать студентами, теперь уже Пекинского университета, мы были в восторге. Пребывание в Китае растянулось на три года. Первый год мы усидчиво занимались языком современным и древним. Мы исправляли наше произношение (ведь дома нас учили китайскому, игнорируя тоны), обретали практические навыки в языковом общении. В течение следующих двух лет (с учётом предметов, изучавшихся в Москве), мы смогли закончить исторический факультет Пекинского университета. Дипломную работу, с успехом защищённую, Ирина писала под руководством известного китайского историка Дэн Гуан-мина. Посвящённая проблемам китайского города (на примере Чанъяня – столицы танской империи) работа потребовала от Ирины кропотливого труда над средневековыми источниками и литературой на данную тему. Само пребывание в Китае позволило ей провести и соответствующие полевые исследования.

Теперь мы стали полноценными специалистами. Учёба в Китае расширила наш кругозор, возросла уверенность в своих силах, укрепилось твёрдое намерение связать свою жизнь с изучением именно средневекового Китая.

Возвратившись на родину, мы с Ирой, имея два диплома, смогли устроиться на работу в Институт китаеведения АН лишь на должность младших научно-технических сотрудников с окладом всего в 70 рублей (профессор в то время получал 320). И все вокруг ещё говорили, что нам повезло. А мы и были довольны: ведь перед нами открывалась перспектива приобщения к нашей любимой специальности уже на новом уровне. В новом коллективе мы скоро освоились, а Ирина сразу зарекомендовала себя с самой лучшей стороны. Все знали: выполненные по заданию начальства переводы с китайского И. Заусцинской были всегда безупречны: адекватны оригиналу и на хорошем русском языке. Я могла наблюдать, как она постепенно

втягивалась в научную и общественную жизнь отдела Китая. В коллективе царил доброжелательная атмосфера. Большую часть молодых коллег в отделе составляли выпускники ИВЯ.

Научная жизнь отдела была ключом. Профессиональному взрослению Иры, теперь уже научного сотрудника, помогали старшие товарищи, и среди них – Р.В. Вяткин, Л.П. Делюсин, Л.И. Думан, Б.П. Гуревич и другие. Тесные отношения у Ирины сложились с добрым, мудрым человеком Ду И-сином, который консультировал её по китайским средневековым источникам.

Первой пробой пера Ирины стала статья о столице танской империи Чанъани, в основу которой легли материалы, собранные ею в Китае.

В 1971 г. под руководством д.и.н. Л.И. Думана Ирина успешно защитила кандидатскую диссертацию «Маньчжуро-монгольские отношения до и после образования империи Цин (XVII в.)», а в 1974 г. вышла её монография «Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в.».

Мне не удалось найти рецензии на эту монографию, но Ира мне рассказывала, что положительный отклик на её книгу пришёл из Монголии. Монгольский коллега был уверен, что автор труда, скрывающийся под фамилией Ермаченко, был мужчиной.

Ирина пользовалась большим уважением среди коллег, видевших в ней достойного и порядочного человека.

Дальнейший этап профессиональной жизни Ирины как китаиста наступил в 1974 г., когда она стала сотрудником ИНИОН в отделе Азии и Африки. Там она проработала ровно сорок лет. Ирина пришла в ИНИОН уже опытным специалистом и успешно освоила для себя новую профессию специалиста по работе с научной информацией. Прекрасно владея китайским языком, обладая хорошим знанием страны, она вела плодотворную реферативную работу в области истории Китая. Её рефераты регулярно появлялись в РЖ «Китаеведение», а затем «Востоковедение и африканистика». Трудно подсчитать, сколько их было за эти годы. В последние 13 лет Ирина оставалась единственным китаистом в ИНИОН, и к её помощи прибегали сотрудники всех подразделений Института.

По мнению коллег, Ирина была не только квалифицированным специалистом, дисциплинированным и ответственным работником. Она гармонично влилась в коллектив Отдела. Душевный, отзывчивый человек, Ирина в сложных ситуациях отдельной жизни всегда проявляла завидную терпимость, тактичность и тонко настраивалась на волну общения с собеседником. Последний год жизни Ирина тяжело болела. Она теряла силы, но до последнего момента сохраняла

силу духа. В этом ей беззаветно помогал её муж – Эдуард Иванович. Прожив с Ириной более 50 лет в любви и согласии, он всё сделал, чтобы облегчить её долю. Большой поклон ему за это.

Погрузившись в прошлое в связи с уходом Ирины, я постоянно размышляла о том, в чём же смысл жизни человека, в данном случае – Ирины. Думается, в том, что она достойно прошла свой путь, была порядочным человеком, мудрой женщиной с богатым внутренним миром и щедро, хотя и ненавязчиво, дарила себя людям. Ступени познания ею Китая отмеряли вехи её собственного внутреннего совершенства. Семена, посеянные в молодые годы заботливыми учителями, дали богатые всходы.

Основные труды И.С. Ермаченко

1960

Мероприятия Маньчжурского правительства в Китае. Цин ши гао, отдел бэньци, гл. 4 // Хрестоматия по истории Китая в средние века (XV–XVII вв.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. С. 182–183.

1963

Рынки Чанъяня – западной столицы империи Тан // Краткие сообщения Ин-та народов Азии. Вып. 66. Средневековая и новая история Китая. М., 1963. С. 3–9.

1966

К характеристике государственного аппарата цинской империи в период завоевания Китая // Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966. С. 151–168.

1967

Вопросы территориального разграничения между Россией и Китаем в исторической литературе и картографии КНР // Спецбюллетень / Ин-т народов Азии. М., 1967. № 77. Совм. с В.П. Гуревичем.

1968

Завоевание Чахарского ханства Маньчжурии в 30-х годах XVII в. // Вопросы истории и историографии Китая: Сб. ст. М., 1968. С. 111–137.

Отношения между Цинской империей и Халхой в 30–50-е годы XVII в. // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников / Ин-т народов Азии АН СССР. Апрель 1968 г.: тез. докл. М., 1968. С. 12–13.

1970

К вопросу о роли дани в отношениях между Цинской империей и Халхой в 30–50-х годах XVII в. // Страны Дальнего Востока и ЮВА: (Вопросы истории и экономики). М., 1970. С. 25–34.

1971

Маньчжуро-монгольские отношения до и после образования империи Цин (XVII в.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1971. 20 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

1972

О положении монголов в Цинской империи XVII века // Третья научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. М., 1972. Вып. 1. С. 150–158.

Китай под властью маньчжурской династии Цин в XVII–XVIII вв. // Новая история Китая. М., 1972. Ч. 1, гл. 1. С. 13–64. Совм. с *А.Н. Хохловым*.

Цинская империя накануне вторжения капиталистических держав (90-е годы XVIII – 40-е годы XIX в.) // Там же. Гл. 2. С. 65–100. Совм. с *А.Н. Хохловым*.

1973

Обзор журнала «Сянган чжунвэнь дасюэ. Чжунго вэньхуа яньцзюсю сюбао». Сянган, 1968–1971 // Общественные науки за рубежом»: РЖ. Сер. 7. Востоковедение и африканистика. М., 1973, № 1. С. 227–233.

1974

Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, 1974. 196 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения). Библиогр.: с. 179–183. Указ.: с. 190–195.

[Реф.кн:] *FitzGerald C.* The Southern expansion of the Chinese people. Canberra, 1972 // Общественные науки за рубежом: (РЖ. ИНИОН АН СССР). Сер. 9. Востоковедение и африканистика. М., 1974. № 1. С. 248–252.

[Реф.кн:] *Watt J.R.* The district magistrate in late imperial China. N.Y.–L., 1972 // Общественные науки за рубежом: (РЖ ИНИОН АН СССР). Сер. 9. Востоковедение и африканистика. М., 1974. № 3. С. 248–251.

1977

Завоевание маньчжурами Южной Монголии в первой половине XVII в. // Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977. С. 128–141.

Присоединение Халхи к Цинской империи // Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977. Гл. 6. С. 142–160.

1983

Китайские историки о периодизации новой истории Китая: (По материалам науч. лит. КНР 1979–1982 гг.) // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: тез. и докл. М., 1983. Ч. 3. С. 191–197. Библиогр.: 7 назв.

The Qing state apparatus at the time of the conquest of China // Manzhou rule in China. Moscow, 1983. P. 119–133.

1984

Проблемы новой истории Китая в историографии КНР (1980–1982). М.: ИНИОН АН СССР, 1984. 28 с.

1986

Освещение проблемы периодизации новой истории Китая в современной историографии КНР // Общественные науки в КНР. М., 1986. С. 158–171. Библиогр.: С. 170–171.

1987

Современная историография КНР о проблемах новой истории Китая: Науч.-аналит. обзор / АН СССР. Отд. стран Азии и Африки. М.: ИНИОН, 1987. 45 с. (Сер.: Совр. пробл. КНР). Библиогр.: с. 40–45.

1988

Синьхайская революция (1911–1913) в современной историографии КНР: Науч.-аналит. обзор / АН СССР. ИНИОН. Отд. стран Азии и Африки. М.: ИНИОН, 1988. 33 с. (Сер.: Совр. пробл. КНР). Библиогр.: с. 26–33.

1989

Историки КНР о проблемах изучения истории Китая нового времени: (Свод. реф.) // Общественные науки за рубежом. Сер. К, Китаеведение: РЖ. М., 1989. № 6. С. 187–196.

Национальный вопрос в Китае и проблемы национальной политики на начальном этапе социализма: Обзор материалов кит. печати / АН СССР. ИНИОН. Отд. стран Азии и Африки. М.: ИНИОН, 1989. 23 с. (Специализир. информ. / АН СССР; 29/1190). Библиогр.: с. 22–23.

1990

Проблемы генезиса капитализма в Китае в современной историографии КНР: Науч.-аналит. обзор / АН СССР. ИНИОН. Отд. стран Азии и Африки. М., 1990. 31 с. (Сер.: Современ. пробл. КНР). Библиогр.: с. 25–31.

1991

Историки КНР о проблемах изучения истории Китая нового времени // История Китая в новое и новейшее время. М., 1991. С. 22–31.

1994

Международные отношения и национальная политика: [Обзор кит. лит.] // Переход к рынку в КНР: Общество, политика, экономика. М., 1994. С. 112–121. Библиогр.: с. 119–121.

1997

О повороте в изучении новой истории Китая в КНР // XIX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки, 8–10 апр. 1997. СПб., 1997. С. 48–49.

1998

О некоторых тенденциях в изучении истории Китая в КНР на современном этапе // Китай и АТР на пороге XXI века: Тез. докл. IX Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир.: История, современность, перспективы». М., 1998. Ч. 2. С. 87–91.

2008

Революционная и модернизационная парадигмы истории Китая в новое время (1840–1949 гг.) в современной историографии КНР // Тезисы докладов XVII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы» (Москва, 22–24 окт. 2008 г.). М., 2008. Ч. 2. С. 97–100.

2009

Дискуссии о кризисе исторической науки // Духовная культура Китая: Энцикл. [в 6 т.]. М., 2009. Т. 5: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. С. 77–79.

2012

Освещение Синьхайской революции 1911–1912 гг. в современной историографии КНР // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. М., 2012. № 3. С. 135–142.

Составила В.П. Журавлёва